

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Виктор
КОНЕЦКИЙ:

ИСТИНА ДОРОЖЕ САМОЛЮБИЯ

ПОЧЕМУ 70-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ БЫЛ ОТМЕЧЕН ТАК СКРОМНО

Виктор Конецкий — писатель, которого знают даже те, кто не читает книг. “Полосатый рейс” помните? А “Завтрашние заботы”? “Путь к причалу”? Сценарии этих фильмов созданы при его участии. А еще он написал множество книг, почти все герои которых — моряки. А поскольку сам автор — моряк, капитан дальнего плавания, то ясно, что пишет он «о жизни водолающих» со знанием дела. И с большим чувством юмора. Последнее — не принадлежность профессии, а свойство личности.

В качестве предисловия к нашей беседе писатель предложил специально написанные для этого случая автобиографические заметки.

“Я родился в семье следователя. Мать в юности танцевала в труппе Дягилева, участвовала в “Русских сезонах” в Париже.

Читать начал очень рано и много, но обошелся вовсе без сказок — начал с Жюль Верна. Главная радость в детстве — рисование. Убежден, если бы не война, то не стал бы ни моряком, ни писателем, а обязательно — живописцем.

Первый год блокады провел в Ленинграде. Меньше всего за время литературной работы я написал о нечеловеческих муках блокады — голоде, холоде, смерти. Но в памяти и душе блокада осталась навсегда.

В августе 1945-го стал воспитаником Ленинградского военно-морского подготовительного училища. В 1952 году окончил Высшее военно-морское училище. Служил на военных спасателях Северного флота в Баренцевом море. Тогда же начал готовить себя (сознательно) к писательству, ибо заниматься живописью на корабле — ненаучная фантастика.

Уже в 1953 году первый раз провел судно Великим Северным морским путем из Архангельска во Владивосток.

Демобилизовался из Военно-Морского флота по собственному желанию в 1955 году. Первый рассказ напечатан в 1956-м, первая книга — в 1957 году. После короткого периода сухопутной жизни вернулся в моря — теперь уже на торговый флот, где и прошел путь от четвертого помощника капитана до капитана дальнего плавания. Одновременно вел дневники и писал книги... Место действия героев (главный — я сам) — весь Мировой океан: планету обогнул раза три, но большую часть морской жизни плывал в Арктике. Был и в Антарктиде.

Довольно много книг переведены за границей: во Франции, Германии, Португалии и многих других странах. В начале литературной карьеры роман “Завтрашние заботы” (“Незнакомка из Архангельска”) во Франции и Италии был выдвинут на премию Первого романа. Лишь понаслышке знаю о моих книгах, выпущенных в ЮАР, США, Австралии. В некоторых книгах, изданных на Западе, вместо предисловия публиковалось мое закрытое письмо IV съезду писателей СССР в защиту А. И. Солженицына. Главным произведением своей жизни считаю роман-странствие — “За Доброй Надеждой” в семи книгах.

Литературных наград не имею. Лучшей наградой считаю выход книги “Никто пути пройденного у нас не отберет” в “Популярной библиотеке” издательства “Книжная палата” в 1989 году — ее появление стало возможным благодаря мнению читателей, признавших меня, по результатам социологического опроса Института книги, любимым автором.

— Виктор Викторович, вы родились в один день с Пушкиным...

— Мне лучше, чем ему. Все твердили о его юбилее и, слава Богу, забыли обо мне. А если серьезно, то я долгие годы считал, что родился в один день с братом Олегом — 5 июня. Это мать убеждала нас в этом, чтобы не тратиться на многодневные застоля. Растила она нас одна, без отца. Когда я узнал, что родился в один день с Пушкиным, то был искренне удивлен...

— Я вижу у вас том Пушкина...

— Пушкин — вершина из вершин. Его личность и судьба волнует и печалит нас до слез. Больше, чем судьба Онегина или Татьяны. Я где-то писал, что Пушкин рождается, живет и умирает при каждой самой мимолетной встрече не только с произведениями его гения, но просто с его именем. Его трагическая кончина

лишь углубляет нашу любовь к нему. Такого обновляющего влияния, какое оказывает сама физическая гибель Пушкина на русского человека, у других народных поэтов в других странах я не знаю. Вероятно, наша раздгерганная ошибками и сомнениями душа, накладываясь на поэзию Пушкина или даже просто на его светлое имя, пытается собраться по образу его гармонии...

— Вы писали, что в России любой человек, даже не читавший Пушкина, готов за него умереть.

— Да, сама его безвременная гибель служит тому, что он смертью попрал смерть и живет в каждом из нас, и будет спасать и защищать нас в веках от рационализма и одиночества, зависти и глупости. Знаете, сам Пушкин один раз завидовал! Простому моряку, своему другу мичману Матюшкину, обернувшегося вокруг света. “Завидую тебе, питомец моря смелый, / Под сенью парусов и в бурях поседель!”. Он умел ощутить притягательную силу в океанской волне... Кстати, именно по настоянию Матюшкина в Москве соорудили первый памятник поэту.

— Вам пишется сегодня?

— Нет. Мне 70, а я считаю, что после 60 писать могут только гении. Бумага хорошо впитывает твои болезни, настроения, горькие размышления, и это все передается читателю. А я всегда считал, что литература должна помогать человеку жить, а не наоборот... Художественная истина дороже самолюбия.

К тому же я старый человек и многого не понимаю. Пройдите по Невскому, и вы увидите, что все на тротуаре идут вам навстречу. Не вместе с вами, а валят толпой и в ту, и в другую сторону без всяких “правая” или “левая” стороны тротуара! Вроде мелочь, но она ведь — состояние общества отражает: все прут друг на друга. На днях прочитал, кажется, в “Известиях” статью молодых социологов и политологов о том, что надо делать, чтобы выйти из нынешнего кризиса. Все в ней верно. Но ни разу не упомянут Бог. А как можно формулировать философию нынешнего выживания без этого?

— Оттого и философия не

выстраивается, что человек человеку враждебен?

— В значительной степени от этого. И раньше на Руси вечно все ссорились. Например, писатели даже Литфонд создать толком не могли. И ничего, писали довольно прилично, хотя вечно на дуэлях дрались. Кюхельбекер, например, с Пушкиным: “Дельвиг, встань на мое место — там опаснее”. Нервишки у них были крепкие. А нынче у нас просто паника в “верхнем эшелоне”, если обзовешь кого-нибудь обыкновенной сволочью. Человек враждебен тогда, когда нет правды в обществе. Наедине с истиной быть так же тяжело, как одинокому бегуну, оставшему на марафонской дистанции.

— Вы познали цену настоящей дружбы. Это осознаешь, когда читаешь вашу последнюю книгу “Эхо”.

— Да, мне повезло. Всю жизнь рядом со мной друзья-одноклассники, соплататели и, конечно, мои читатели, с большинством из которых я никогда не встречался. И книга “Эхо”, на три четверти состоящая из читательских писем, — дань уважения этим людям, их тяжелым судьбам. Горжусь, что в моем архиве есть письма А. И. Солженицына, Л. Л. Кербера, заместителя Туполева, магаданского врача Гранта Халатова — поэта, о котором мы еще услышим, арктических капитанов Яффе и Кононовича, многих других. Они отражают время, в котором мы существовали, нашу единственную жизнь, уже почти прожитую. Поэтому я, не боясь упрека в саморекламе, опубликовал эти письма. В книгу вошли также мои эссе и воспоминания о дорогих мне писателях — В. П. Некрасов, В. Б. Шкловском, М. А. Колбасьеве...

— Вы ощущаете себя ленинградским писателем?

— Да. Я моряк и видел на планете много райских уголков. Как

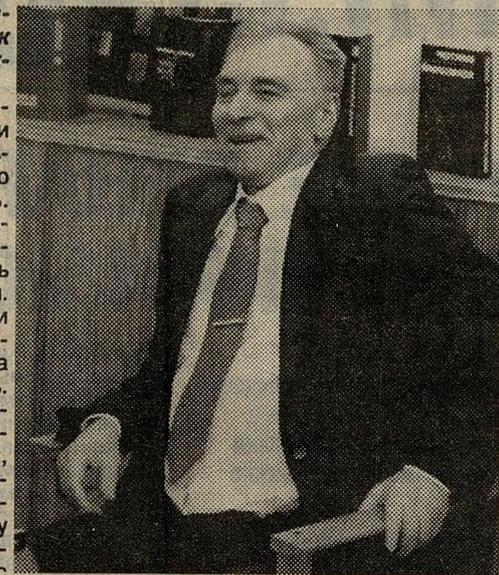

ФОТО ЛЮДИМЫЛЫ ВОЛКОВОЙ.

писатель я всегда знал, что Москва для нашего брата, сочиняющего байки, оборудована лучше некуда. Но я родился в Ленинграде на берегу Адмиралтейского канала. Здесь встретил 1942 год студнем из столярного клея. От набережной Лейтенанта Шмидта я первый раз ушел в моря и сюда вернулся из последнего арктического рейса. И я твердо знал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не покину могил Смоленского кладбища и Пискаревки...

— Каково ваше ощущение сегодняшнего дня? С чем вы связываете надежды на будущее?

— Меня многое удивляет, например, необедительность нашей политики по отношению к казаским народам, решение национального вопроса в целом. То, как быстро мы потеряли Северный Морской путь. Витте как-то сказал: “Я вступил в управление империей при ее если не помешательстве, то замешательстве”... Россия была в замешательстве со времен Горбачева, сейчас она действительно в помешательстве. Будем надеяться на молодых, на то, что на волне грядущих выборов придут новые, чистые люди. В ужасе оставшихся позади лет есть и нечто мессианское, и, я надеюсь, что мы еще будем гордиться Отечеством. Это не было бессмысленным падением в пропасть, это путь на Голгофу, но ведь на этом пути Христос обрел бессмертие...

Беседу вела
Наталья ГРОЗДИЛОВА.